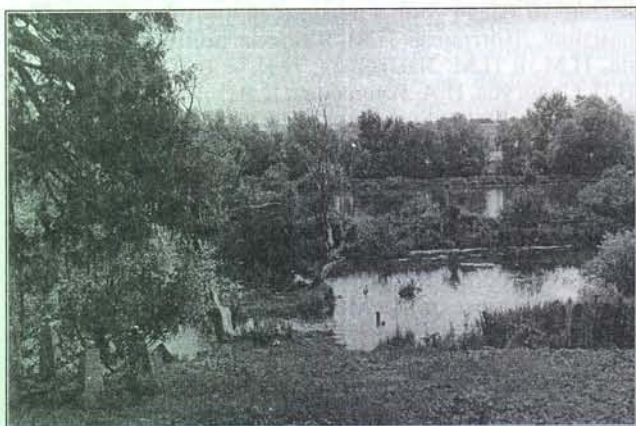
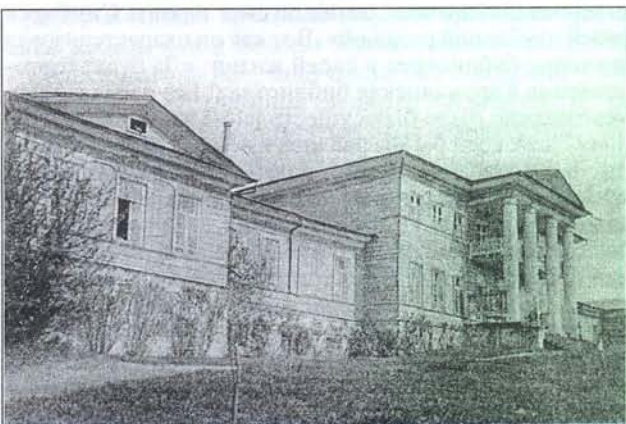

К пятидесятилетию кончины поэта Н.М. Языкова Владимир Николаевич Поливанов – губернский предводитель дворянства и известный коллекционер – сделал описание барского дома и всей языковской усадьбы, которое опубликовал в декабрьском номере “Исторического вестника” за 1896 год. В таком виде имение встретило мятежный XX век и, если бы не революционная смута (как знать!), могло бы предстать и перед нашим взором.

СЕЛО ЯЗЫКОВО

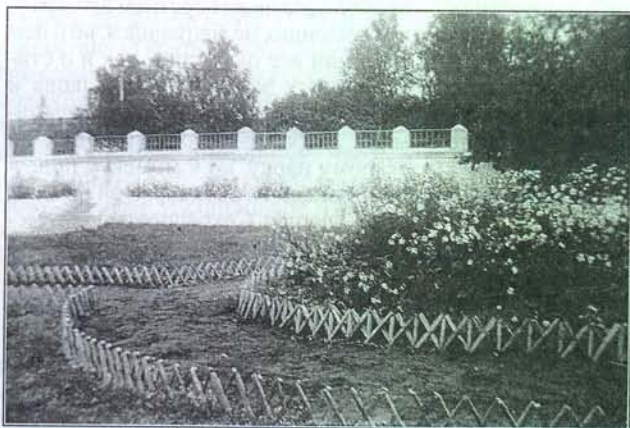

В версте от большого московского тракта из Симбирска в Корсунь (уездный город Симбирской губернии), на берегу реки Урень живописно раскинулось село Языково. Некогда жалованная вотчина служилым предкам этого рода, она входила в состав тех “диких полей”, которые последовательно колонизовались русскими, ратными людьми. До сих пор здесь хорошо сохранилась земляная “черта”, ограждавшая безопасность владений Московского государства от Воронежа до верховьев Камы, русские названия поселений и особенности женского древнего наряда. Но не этими остатками старины интересно село Языково, а теми воспоминаниями, которые его связывают с бывшим владельцем-поэтом и посетившим его в 1833 году... А. С. Пушкиным. Сохранившийся в малоизмененном виде барский деревянный дом красиво господствует над окружающею местностью, и с террасы его открывается обширный вид на соседние поля и перелески. Внешностью Языковский дом напоминает довольно общий времени его основания тип построек начала нынешнего столетия. В два этажа, он построен отцом поэта, Михаилом Петровичем, в форме “покая” с коридорами и двумя просторными для служб и приезда гостей флигелями. Со стороны сада, фасад украшен семью колоннами дорического стиля и каменной лестницею. Двор обнесен решеткою с каменными столбами и параллельно постройкам обсажен вязами, образующими внутри тенистую площадку. Внутреннее расположение комнат и частью сохранившаяся обстановка гармонируют еще с общим характером здания и теми воспоминаниями, которые он хранит в своих стенах. Из прихожей посетитель входит в довольно обширный зал, и направо из соседней комнаты дверь ведет в комнату, где останавливался Пушкин. “Здесь ночевал Александр Сергеевич Пушкин”, — пояснил нам, сопровождавший по дому за отсутствием хозяина, молодой сын его управляющего. Определение это было, по-видимому, правильно и подтверждено тут же моим спутником по поездке Н.Ф. Беля-

ковым. Г. Беляков, неоднократно бывавший в доме своего дяди В.П. Языкова, прежнего его владельца, всегда слышал, что за этой комнатой сохранялось название “Пушкинской”. Комната эта средней величины, с одним большим окном в сад, обставлена мебелью красного дерева, черною, деревянною кроватью и в углу типичным украшением камина в форме усеченной колонны. Единственное изменение, внесенное в этот священный уголок, — это обращение камина в обыкновенную печь. По сохранившемуся в доме и в семье Языковых рассказу, известно, что Пушкин, не застав в первый раз своего посещения Николая Михайловича дома, вырезал ему алмазным перстнем на память, на одном из стекол окна своей комнаты, свое имя. К сожалению, стекло разбилось, и этот дорогой автограф навсегда потерян. Говорят также, что на камине долго сохранялось много интересных надписей и эпиграмм, которые теперь все забелены. Из письма, писанного поэтом к своей жене из села Языкова 12-го сентября 1833 года, мы знаем, что, проезжая в Оренбург, он заехал к Языкову и, не застав его дома, переночевал и уехал в Симбирск. За хозяина гостя принимал старший брат его, Петр Михайлович, которого Пушкин называет человеком чрезвычайно замечательным и собирается его полюбить, как Плетнева и Нащокина. В конце того же месяца Александр Сергеевич, собрав на месте материалы для своей “Истории Пугачевского бунта”, возвращался тем же путем в свое нижегородское имение, Лукояновского уезда, в село Болдино, и вторично заехал в Языково. На этот раз, как он сообщает в письме к Наталье Николаевне, он застал “всех трех братьев, отобедал с ними очень весело” и, переночевав, уехал к себе в деревню. Обходя другие комнаты, мы долго остановились в гостиной, как наиболее сохранившей интересного. Здесь обращают на себя внимание некоторые, современные Языкову портреты и гравюры. В числе их есть прекрасный гравированный портрет С.С. Уварова, впоследствии графа и министра народного просвещения. Внизу он снабжен подписью: Serge

d'Ouvaroff. Grave d'après nature par Reder. Lith. chez P. de Helmersen. Граф изображен лет под сорок, в плаще, с курчавой шевелюрой. Над диванами висит замечательный, старинный, английский акватинт — портрет Франклина. Рядом с ними помещены портреты современных ученых геологов и натуралистов, как, например: Leonhard, H. Lecoq, Marcel de Serres, Le comte de Montlosie и другие. Последние составляли несомненную собственность второго владельца дома — Петра Михайловича, который, как геолог, сам занимает почетное место в семье русских уче-

ных. Кроме описанных портретов, сохранилась целая коллекция гравюр рысистых и скаковых лошадей, весьма редкого издания. Картинки эти принадлежали отцу поэта, который купил часть конного завода, принадлежавшего графу Владимиру Григорьевичу Орлову, из жалованного Екатериною II Орловым имения села Головкина, нынешней Самарской губернии. Не мало еще в доме старинной, домашней работы, мебели красного дерева, напоминающей общий тому времени стиль empire. Интересен письменный стол с массою ящиков, кресла и вышитые ширмы. Все это еще дышит той стариной, которая, если и не так от нас далека, но, тем не менее, быстро исчезает. Здесь, среди этих стен, все эти вещи представляются как бы забытыми, в ожидании своей очереди...

Перехожу к описанию церкви и сада. Каменная церковь круглой формы, как и соединенная с нею колокольня, окружена рядом колонн и отстоит от дома в недалеком расстоянии. Построена она, как и дом, отцом поэта, прах которого в общем семейном склепе покоится вместе с прахом жены Екатерины Александровны, урожденной Ермоловой. Место, где поставлена церковь, очень живописно и как нельзя более дополняет вид на красивую, чисто русскую, барскую усадьбу. Указывают в главном иконостасе два местных образа древнего письма, пожертвованные Н.М. Языковым. Зная его высоко религиозное настроение, нет ничего невозможного допустить это предположение, хотя имя жертвователя в церковной описи не значится.

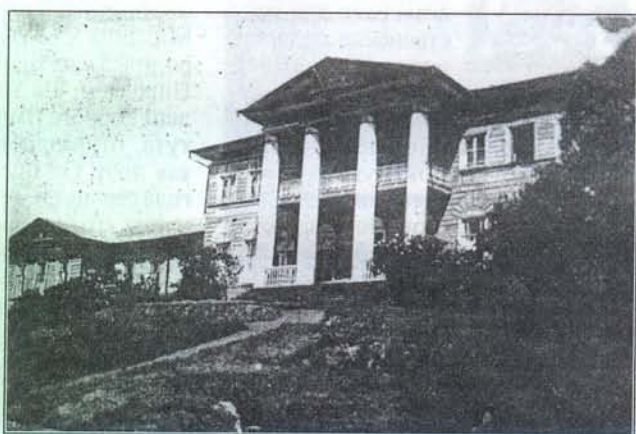
В стихах к жене своего брата Н. А. Языковой поэт так характеризовал свой деревенский сад...

Зову на светлый пруд, туда, где тень густую

Склонил к водам нагорный сад...

В настоящее время от сада и его густой тени осталось очень немного. Сохранились две, три аллеи акаций и под горой несколько старых, доживающих свой век деревьев. Видны еще признаки прудов с островками и на одном следы беседки, а на других почтенных размеров береза и

ветла. Водоемы эти наполнялись свежей проточною водою из верхнего пруда, на берегу коего была оранжерея. Вода из прудов сбегала в реку Урень. Пруд, который ниже, в свою очередь был запружен и, прилекая к саду, образовал ту светлую, водяную поверхность, обсаженную по берегам густою зеленью, о которой упоминается в стихах. Насколько любил поэт свою родину, мы знаем из его стихотворений и переписки. В Языкове он родился, здесь прошло его детство и многие лучшие годы жизни. Не даром он всегда так пламенно желал поселиться там...

Где лется мирно и незримо

Мое привольное житье:

Где я могу таким покоем наслаждаться,

Какого я не знал нигде и никогда,

И мыслить, и мечтать, и страстно забываться

Перед светильником труда;

В расцвете своей молодости он писал к мужу своей сестры П.А. Бестужеву из Дерпта 18-го февраля 1829 года: "Тебе уже известно, мой почтеннейший, моя решительная воля об оставлении Дерпта. Надеюсь, что вы не откажетесь и не замедлите способствовать моему, без похвальбы скажу, спасению! Везде, где бы то ни было, я могу лучше работать, думать и писать, жить и блаженствовать везде, кроме Дерпта; буду здоровее телом и духом. Как бы только добраться до Языкова! Уж там-то застихотворствую, и восстановится моя блистательная слава поэтическая. Эта надежда меня так утешает, как ребенка в больнице. Часть времени проходит у меня в мечтах о будущих трудах, подвигах стихотворческих, ученых, всегда независимых, ненарушимых и райски сладостных". Завидная доля села Языкова вдохновляла поэта несомненно должна быть отнесена к тому общему чувству его любви к родине, о котором было упомянуто. Не суждено, однако, было найти ему желанный покой надолго. Тяжелый недуг заставил покинуть дорогое ему Языково и попеременно жить в Москве и за границей в надежде на поправление своего здоровья.

26-го декабря 1846 года он скончался, и родовое его Языково перешло к его старшему брату Петру, сын которого, Василий Петрович, продал это имение симбирскому купцу Степанову, нынешнему его владельцу. Слухи о желании г. Степанова перестроить Языковский дом побудили меня его недавно осмотреть и накануне 50-летия кончины его бывшего владельца-поэта в этой краткой заметке сохранить все, что еще напоминает его дорогое прошлое.

Фото предоставлены В. Никитиным, Л. Ершовой